

ЖЕНЩИНА В ОБЩЕСТВЕ

О.В. МИТИНА

Женское гендерное поведение в социальном и кросскультурном аспектах*

Ценности и представления, касающиеся роли женщины и мужчины в обществе, и связанные с ними гендерные стереотипы и социальные установки регулируются на глубинном ментальном уровне общественного сознания, уходящем корнями в далекое прошлое, наиболее стабильном, передающемся из поколения в поколение. Этот уровень формируется в ходе долгой истории развития общества и имеет самые различные аспекты: исторический, социальный, экономический, культурный, религиозный, политический. Американский исследователь Г. Холфстед считает, что отношение к социальной роли женщины (гендерному поведению и соответствующим стереотипам и автостереотипам) является одним из пяти наиболее значимых параметров, измеряющихся в общественном сознании, общих для любых изучаемых культур [1].

На протяжении всей истории человечества выдающиеся умы изучали, оценивали и определяли специфику женского начала, образа, ее поведения. В результате сложились гендерные представления о женщине, многомерные и противоречивые, помогающие обосновать и систематизировать имеющиеся наблюдения и описать женскую природу. Так, некоторые авторы характеризуют женщин как сочетание высшей добродетели и низшего порока, целомудрия и возжелания, жертвенности и нечестивости. По словам Симоны де Бовуар, "женщина - это и грешница Ева, и святая дева Мария. Она и идол, и слуга, и источник жизни, и власть тьмы, она сочетает в себе истину, хитрость, сплетни, ложь. Она лекарь и ведьма, она в молитвах мужчин и их грехах" [2].

Мифы о женской силе и связанных с ней опасностях отражены в искусстве и религии большинства культур с древних времен. Несмотря на их огромное многообразие, можно выделить универсальные, постоянно встречающиеся женские образы: женщина-мать (вспомним аналогии между женщиной и плодородной землей; Великая Мать в различных культурах называлась Деметра, Изис, Иштар, Золотая Афродита и была матерью и кормилицей богов и людей-мужчин, именно она давала мужчине почву под ногами), женщина - колдунья-соблазнительница, сбивающая мужчину с праведного пути, женщина - неизбежное зло (Пандора, открывающая свой ящик, разорительница мужа), женщина-тайна, чье поведение непредсказуемо.

Нормы и стереотипы женского поведения, история их формирования и регулятивная функция в значительной степени меняются от поколения к поколению и от культуры к культуре. На одном полюсе этих представлений хрупкая английская леди, затянутая в корсет, совершенно беспомощная без своего рыцаря, на другом - жительница африканской

---

* Работа выполнена при поддержке Государственного департамента международных исследований и обмена (IREX, США) и Российского фонда фундаментальных исследований.

М и т и н а Ольга Валентиновна - кандидат психологических наук, старший научный сотрудник лаборатории психологии общения и психосемантики факультета психологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

пустыни, ежедневно в поисках пищи проходящая под палящим солнцем с ребенком за

спиной и добычей десятки километров. "Книга Притчей Соломоновых" содержит основные характеристики идеальной жены: трудолюбие, верность и преданность, активность, здоровье и физическую силу, милосердие, заботливость, оптимизм и душевное здоровье, мудрость и неболтливость [3]. Женщина раннего христианства должна была знать свое место, служить и повиноваться своему мужу-хозяину. В средние века сложился образ Прекрасной дамы - пылкой, безоговорочно преданной, безупречной и недоступной.

В XIX веке в Северную Америку вместе с викторианским стилем, строгой моралью и пуританизмом пришел образ женщины, обладающей четырьмя добродетелями: набожностью, непорочностью, покорностью и заботливостью о своем доме; а на криминальном юге США от женщины требовали еще и умения защитить свою честь (даже с оружием в руках). С точки зрения современного американского общества идеальная женщина должна быть очаровательной, сговорчивой, миролюбивой, привлекательной [4, с. 70]. По сравнению с белыми американцами черные респонденты видят идеальную женщину более настойчивой, целеустремленной и независимой.

Или, например, считается, что испанские женщины в большей степени демонстрируют покорность и зависимость, а азиатские включают в свое поведение еще и элемент "экзотической" сексуальности. Про индианок говорят, что они обычно ведут себя "обезличенно", просто выполняя тяжелую, рутинную работу. Стереотипное представление о еврейских женщинах - это либо бесцеремонные, тщеславные принцессы, либо сверхопекающие и манипулирующие "еврейские мамочки" [5]. А российский эксперт женского журнала "Лиза" говорит о том, что "женщины более изобретательны, хитрость заложена в них природой" [6].

Американский антрополог О. Льюис [7] приводит пример племен канадских индейцев, где идеальной считается покорная, сдержанная, послушная женщина. Однако существовал также положительно оцениваемый стереотип мужественной женщины - настойчивой, энергичной, независимой, честолюбивой и сексуальной. Она обладала собственностью, принимала участие в религиозных ритуалах и сама выбирала себе партнеров. Очевидно, что такое поведение в маскулинных культурах оценивалось как девиантное, но предусматривало определенные привилегии. С самого детства девочки, демонстрирующие соответствующие предрасположенности, оказывались в привилегированном положении: им разрешалось играть с мальчиками, быть лидерами в этих играх. Можно сказать, что личностные качества этих женщин позволяли им разрушать жесткие рамки культурных норм и вести себя в соответствии с собственными желаниями. Путь от привилегированного ребенка к привилегированной женщине мы прослеживаем во многих патриархальных культурах. В славянских племенах также достаточно часто встречались женщины-богатырки, воительницы [8].

Среди факторов, влияющих на формирование тендерного поведения и стереотипов, наиболее существенными оказываются язык, игры, школа, религия. СМИ [5]. Так, американский социолог Л. Холлингворс [9] подробно исследует механизмы формирования стереотипа матери через средства массовой информации (апеллирующие к патриотизму женщин в связи с сокращением роста населения), государственную политику (в свое время немецкий кайзер пообещал стать крестным отцом всем седьмым, восьмым и девятым сыновьям в семье), законодательство (мужчина имел право разводиться с бездетной женщиной), образование (девочки воспитываются как будущие жены и матери), церковь (католики, например, не разрешают использовать противозачаточные средства; в иудейско-христианской традиции наличие детей рассматривается как моральный долг, а бесплодие как кара). В обществе создавались различные мифы, связанные с деторождением: "необходимо рано рожать детей, ибо это полезно для здоровья", "каждый рожденный ребенок продлевает жизнь женщины" и т.д.

В 1968 году в Америке была выпущена детская книжка, рассказывающая о мечтах маленьких детей относительно их взрослой жизни [10]. Среди возможных профессий для девочек были представлены только медсестра, певица и хозяйка зоомагазина (в отличие от нашей детской поэмы на ту же тему С. Михалкова "Мамы всякие нужны, мамы всякие важны").

Исследование американских женских журналов с 1940-х по 1970 год показало, что наиболее пропагандируемой добродетельной женской ролью в обществе была роль матери, жены, домохозяйки с полной зависимостью от мужа и безраздельным служением традиционной семье [11]. Под традиционной семьей американцы понимают семью, в которой обязательно есть дети, жена не работает, а материальное обеспечение лежит на отце.

Наличие детей способствует повышению статуса женщины в обществе, свидетельствует о ее личностной зрелости: нежелание иметь детей рассматривается как эгоизм, а готовность пережить трудности, страдания и пожертвовать чем-либо ради детей является свидетельством сильного характера, целостности. Во многих развитых странах быть матерью хотят большинство женщин, это престижно и даже романтично. Общим местом является противопоставление мамы (заботливой, мягкой, защищающей, любящей своих детей, доброй волшебницы) мачехе (бесчувственной, ненасытной, холодной, злой ведьмы). В Америке с прошлого века сохранилась традиция праздновать День матери. В России этот праздник был введен не так давно, но и в советское время женщина могла получить орден "Матери-героини".

Ю. Виллиямс отмечает, что 10-20 лет назад в Америке типичный сценарий историй, демонстрируемых по телевидению или в кино, заключался в том, что когда главная героиня - мама-домохозяйка начинала завидовать женщинам, ведущим другой образ жизни, и так или иначе могла попробовать поступить на работу или отправиться в путешествие, тут-то она и понимала, что истинное счастье - быть дома и родить еще одного ребенка [12]. В это же время в советской литературе положительным считался образ женщины, обязательно работающей, причем интенсивно и с ориентацией на результат, а не с целью найти себе мужа. И такая положительная женщина в конце концов обязательно вознаграждалась мужем и (или) ребенком, если в начале истории их у нее не было (наиболее яркий фильм про женское счастье в советской стране - "Москва слезам не верит").

Однако в Америке за последнее время отношение к людям, не испытывающим желания иметь детей, значительно изменилось [4]. Если в 50-х годах к семейным парам, сделавшим свой выбор в пользу бездетности, общественное мнение относилось негативно, то уже к 70-м эти негативные установки сгладились. Стали доминировать ценности индивидуализма и самореализации, и многие молодые женщины не хотят менять свободу на бремя материнства и уже не принимают всерьез аргумент, что быть матерью предопределено женщиной природой. Согласно исследованию, проведенному в США в 1992 году, около 17% американок бездетны (включая тех, кто отказался от детей сознательно).

Тем не менее роль жены и матери является основной для большинства женщин, а роли незамужней женщины, разведенной, бездетной, делающей карьеру рассматриваются как отрицательные, девиантные. Результаты опроса около 600 американских женщин показали, что только в 20% случаев были упомянуты роли, связанные с работой, деятельностью в общественных, местных и церковных организациях. Ранжируя 13 различных женских ролей по степени значимости, респондентки четыре последних места отводили представительнице творческих профессий, женщине, делающей карьеру, рабочей и члену местной общественной организации [13].

Хотя сегодня общество более открыто для женщины, не каждая может позволить себе свободу выбора жизненного сценария. Например, очень часто женщины идут работать в силу экономической необходимости и лишь добавляют к своей роли домашней хозяйки дополнительные обязанности. Обратная ситуация встречается в семьях "новых русских". Жена с удовольствием работала бы, не замыкаясь в домашних проблемах, однако хорошо обеспеченный муж начинает диктовать ей свои условия и требует, чтобы она сидела дома. Женщина, сочетающая работу вне дома с домашней, - распространенное явление (а в России и подавно), однако долг жены и матери всегда оценивается как самый важный.

Кроме экономических проблем, заставляющих женщину идти работать, выделяются также потребность в самореализации, повышении самооценки, желание новизны [12]. Многим женщинам именно работа позволяет лучше выполнять их материнские обязанности, "освежает" их родительские чувства. Кроме того, в России сейчас появилась возможность потратить деньги и купить какие-то вещи для себя, для дома, для детей, как следствие - стремление найти высокооплачиваемую работу. Раньше в условиях глобального дефицита женщины пытались устроиться на работу, оставляющую больше свободного времени.

Американская исследовательница в области женской психологии Б. Лотт [4, с. 141] отмечает, что, с точки зрения американцев, наиболее предпочтительно для женщины после замужества реализовать материнскую функцию, а потом, когда дети вырастут, идти работать. Следующим по предпочтению является вариант "отложенного материнства", при котором женщина сначала делает карьеру, а затем занимается воспитанием детей. Далее идет сценарий, при котором материнские и семейные ценности приоритетны в течение всей жизни. Затем "интегратор" - вариант, когда совмещают дом и карьеру. Наименее привлекательна, с точки зрения респондентов, ситуация, когда карьера для женщины имеет постоянный приоритет.

Тем не менее, несмотря на то что в общественном сознании американцев материнские Обязанности по-прежнему атрибутируются женщине, все большая роль в воспитании детей отводится отцам, друзьям, соседям, различным детским учреждениям и т.д. В нашей стране В советское время, когда занятие женщин только домашним хозяйством общественно порицалось и считалось проявлением индивидуализма и мещанства, большинство детей воспитывалось именно в детских учреждениях либо бабушками. В современной России для молодых преуспевающих людей неработающая жена становится нормой жизни и атрибутом жизненного успеха. Но и в не очень обеспеченных семьях все больше матерей отказываются от профессиональной деятельности (если бабушек нет), продлевая возможность дать ребенку домашнее воспитание. Однако достаточно новым для России, но заслуживающим внимания явлением становится выполнение отцами роли воспитателя собственных детей в условиях, когда жена имеет высокооплачиваемую работу.

Не так давно в Америке была распространена поговорка "Better dead than unwed" (Лучше умереть, чем остаться незамужней). Замужество для женщины средних лет было единственным способом приобрести уверенность в завтрашнем дне [12]. Стереотип незамужней женщины предполагает необычную увлеченность каким-то делом или карьеру. Это может быть балерина, высокое должностное лицо, ученый, поэт-отшельник или еще кто-то, преданный чему-то или кому-то (учительница, дочь пожилых больных родителей). Жизнь их описывается часто с оттенком горечи. С конца 1980-х годов в американских СМИ наблюдаются два феномена. Во-первых, исчезновение положительных образов одиноких женщин и, во-вторых, распространение темы их неудавшейся судьбы. Находясь под влиянием негативного имиджа старой девы, люди по-прежнему считают, что для женщины вся деятельность, связанная с получением образования, работой, никак не должна мешать ее главному делу - найти мужа. Отношение большинства современных женщин к замужеству продолжает оставаться таким, каким оно было у их матерей и бабушек - свидетельством окончания юности и признанием вступления во взрослую жизнь. Они уверены, что их замужество будет одобрено и признано в обществе, и, наоборот, незамужество, с точки зрения общества, является признаком неуспеха.

Однако стоит отметить, что среди американских женщин увеличивается значимость таких ценностей, как автономия и независимость, и вследствие этого увеличивается процент тех, кто предпочитает оставаться не замужем. Тем не менее существуют два принципиально различных взгляда на замужество как на возможность обрести или, напротив, потерять свою независимость. Желание не выходить замуж тесно коррелирует с уровнем образования и социально-экономическим статусом. Особенно высок процент замужних женщин среди неработающих с низким уровнем образования и достатка. Однако такая женщина большую часть времени проводит "со своим домом" (как домохозяйка), а не со своим мужем. Возможность длительного проживания с мужчиной, ведение совместного хозяйства дает чувство защищенности, однако сохраняет независимость и не требует полной отдачи домашней работе. В Америке число мужчин и женщин, живущих вместе и не состоящих в официальном браке, с 1970-го по 1985 год выросло в 4 раза [12].

Что касается России, то часто женщина продолжает жить с человеком, унижающим ее, надеясь что "муж исправится", потому что "нельзя разрушать семью". Женщина панически боится потерять мужчину, ибо в нашем обществе не иметь семьи, не выйти замуж означает ее полную несостоятельность. В начале 90-х годов доля 50-летних женщин-россиянок, никогда не состоявших в браке, была чуть более 3% [14]. В России для женщины неприлично быть не замужем и не иметь детей, сказала в одном из своих интервью Г. Старовойтова и заметила, что если бы она решила баллотироваться в президенты России, то для улучшения своего имиджа вышла бы замуж [15].

В середине XX века в Америке о типичной патриархальной семье говорили как о мужчине и его жене, подразумевая при этом главенство мужчины в доме и подчиненность, экономическую и социальную зависимость от него жены. (Социальный статус замужней американки также зависит от того, кем является ее муж.) Это наиболее одобряемый в США тип семьи: с мужем, работающим полный рабочий день, обеспечивающим материальное благополучие, и неработающей женой-домохозяйкой, ответственной за семью, ее существование и крепость. Такие семьи появились среди городского среднего класса только в прошлом веке и являются атрибутом достаточно развитого индустриального общества. В Америке число таких семей в настоящее время сокращается, а в России, наоборот, увеличивается.

Виллиамс [12] выделяет четыре типа супружеских отношений: традиционные (и муж, и жена относятся к карьере жены как к хобби, основным источником дохода является работа

мужа, а доход жены в семейный бюджет никак не включается, главная обязанность жены - "мать-домохозяйка", допускается наличие помощницы по хозяйству только на самую рутинную работу); нетрадиционные (характеризующиеся более серьезным отношением к работе жены, использованием ее дохода для улучшения материального уровня семьи, а также помощи мужа в ведении домашнего хозяйства); эгалитарные (с полным равенством в работе и домашних делах между мужем и женой) и матриархальные (когда доход жены превышает доход мужа).

Отношение к уровню эмансипации женщины связано, главным образом, со спецификой образа жизни респондентов, с уровнем образования (люди с низким уровнем образования более консервативны по отношению к социальной роли женщины, чем те, у кого образование высокое), уровнем жизни, культурными традициями, а также со статусом женщины. Однако замужние женщины из семей с низким достатком в случае поступления на работу наиболее значительно ощущают повышение своего статуса в семье, нежели представительницы среднего класса, хотя мужья последних имеют более эгалитарные стереотипы, чем мужчины из бедных слоев. Это наглядный пример конфликта "интересов и идеалов". Как бы ни хотелось "бедным" мужьям, чтобы их жены сидели дома и занимались хозяйством, они не могут себе этого позволить, ибо доход жены составляет существенную часть семейного бюджета.

Западные социологи выделяют три основные модели женского поведения: ориентация на дом (традиционная), на профессиональную карьеру, на секс ("play-girl") [5].

Те же типы мы имеем и в России, хотя, конечно, с некоторыми отличиями. Модель жизни женщины первого типа наиболее традиционна и многочисленна. Ее распространенность обусловлена экономическими и социальными правилами и нормами жизни. Практически во всех случаях, если только нет специальных противопоказаний, детей при разводе отдают матери, больничный по уходу за ребенком выписывают матери. Награждая осенью 1994 года наиболее отличившихся своим трудом москвичей, мэр Москвы Ю. Лужков подарил мужчинам компьютеры, а женщинам - утюги [16]. В среднем наша соотечественница в полной семье с двумя детьми за год при выполнении домашней работы проходит 2 тыс. км [17]. Примерно столько же проходит или пробегает ежегодно средняя американка. Только делает она это в спортивном костюме в парке или стадионе, не отягощенная тяжелыми сумками.

Женщины второго и третьего типа осуждаются как мужчинами, привыкшими видеть их главным образом у плиты, не желающими допустить конкуренции, так и женщинами, более ориентированными на первый тип поведения, большую часть времени проводящими дома в ожидании возвращения мужа с работы. Эти женщины испытывают не очень достойные чувства зависти, ревности, а поэтому тщательно затушевывают и облекают их в благопристойные рамки общественной морали и нравственности.

Ситуация, когда женщина решает посвятить свою жизнь работе, в России, в первую очередь, связана с ее желанием раскрыть свои творческие способности, тогда как в Америке наиболее существенным обстоятельством является стремление к материальной независимости. Третья модель поведения рассматривается как промежуточная, как цель выйти замуж за богатого человека.

С точки зрения истории формирования тех или иных сценариев женского поведения в обществе, отношения к ним, возможностей самореализации женщины, предоставляемых обществом, обратим внимание на культурную модель семейных отношений в жизни дореволюционной России, главной чертой которой было "семейное родство", понимаемое через "инстинкт рода", "острое чувство человеческого гнезда", тесное сообщество, в которое каждый из членов был так глубоко погружен, что испытывал трудности, отделяясь от него. Наиболее часто встречаемой моделью среди крестьян была модель патриархальной семьи. Семейные отношения распространялись на всю деревню, а семейные границы были "проницаемы" для внешнего общества. В жизни семьи активно участвовали не только родственники всех степеней, но и гости, друзья, знакомые. Таким образом семья функционировала в рамках общины, зависела от нее, подчинялась ей [18].

И хотя в эпоху "Домостроя" женщины были лишены права принимать самостоятельные решения [19], по мнению французского социолога В. Вейдле, поглощение личности семьей и распространение семьи за пределы родства делали невозможным применение в России понятия классического патриархата, при котором власть мужа над женой и детьми осуществлялась бы бесконтрольно (цит. по [18]). Общество могло принять меры против излишней строгости или насилия со стороны главы семьи над женщинами или детьми. В этом смысле можно сказать, что главой семьи был не муж, а община. Мужчины часто

отсутствовали - служба, война, торговые поездки, работа на барщине вдалеке от семьи. Характер аграрного сезонного производства в России с долгой зимой и быстрым летом диктовал образ жизни, при котором большая часть мужского населения проводила время, свободное от полевых работ, вне дома, на заработках и, конечно, не исполняла "командирских" функций.

В то же время на практике в России в семье вслед за общиной главная роль определялась не по признаку пола, а по старшинству. Большой вес приобретала жена отца, влиятельнейшая фигура бабушки, которая становилась главой семьи в случае смерти своего мужа. Составитель "Домостроя" уважительно называл их "сударыни дома". Еще с древности на Руси процветал "культ бабушки", старейшей женщины рода, обладающей большими властными полномочиями на уровне семьи. Женщина в славянском язычестве понималась как совершенно самостоятельный человек, самостоятельная сила. На протяжении веков женщинам в России приходилось нести на своих плечах как мужские работы, так и мужские роли, мужскую ответственность [20]. Со времен Киевской Руси, в первые шесть столетий развития русской государственности, славянки пользовались значительной политической и экономической свободой. Галерея женщин-политиков Руси могла бы включить около 50 княгинь, княжон, боярынь [21].

Внутри слоя российской интеллигенции формировался другой тип семьи, включающий только родителей и детей. В нем получил развитие эгалитарный индивидуализм, сложилось представление о межличностных отношениях. Мать сама воспитывала своих детей (без помощи нянь и гувернанток). Перемены затронули и самое понятие супружеской пары: "теория свободной любви" была чрезвычайно распространена в среде интеллигенции (Н. Чернышевский). В ее рамках высоко оценивается "чувство, не зависящее от законов общества, свобода и искренность". Критерием подлинного брака становятся искренность и глубина чувства, а не его религиозное и законное подтверждение. И напротив, всякий официальный брак без любви, заключенный по принуждению родителей или по расчету, рассматривается как аморальный, как скрытый разврат [22].

Анализируя западноевропейские и вышедшие из них американские тендерные стереотипы, обратим внимание, как Фома Аквинский в своей "Summa Theologica" учил, что между мужчиной и женщиной не существует строгого равенства ни при заключении брака, ни при домашнем распределении ролей. Мужчина управляет женщиной [23]. Да, средние века отмечены присутствием поистине достойных женщин, сыгравших значимую роль и в светской, и в церковной жизни (вспомним хотя бы Жанну д'Арк), но более низкий статус женщин был закреплен законодательно, фактически они были собственностью своего мужа.

В некоторых аспектах статус женщины в России в XIX веке был выше, чем на Западе. Феминистка А. Туркова, побывав в Англии, отмечала, что там женщин держали за чертой, в своего рода женском гетто, в то время как в России мужчины и женщины были равны перед общественным мнением (цит. по [24, с. 38]). Вейдле отмечает меньшее по сравнению с Западом сопротивление в России идеям равенства. Женщину мужчина рассматривал "как человеческую личность, имеющую равную с ним ценность" (цит. по [18]).

Широкие права собственности, которой замужняя россиянка могла владеть и распоряжаться, создали условия для развития женской благотворительности, позволившей женщинам в условиях законодательного ограничения их прав и патриархальной культуры внутри семьи участвовать в общественной и даже политической жизни. Благотворительность до 1905 года (пока не было избирательного права и профессиональные союзы и политические партии были запрещены) относилась к немногим легальным сферам гражданской активности.

В Европе благотворительные организации занимались в основном обучением бедных женщин тому, как стать лучшими матерями, женами, домохозяйками, как содержать в чистоте жилище. В России феминистки-благотворительницы относились к женщинам как к самостоятельным труженицам, которые должны были рассчитывать на собственные силы, чтобы поддерживать себя и детей, а не только как к матерям и хозяйкам дома. Поэтому основными направлениями благотворительности были трудовая помощь, взаимная поддержка, профессиональное обучение, просветительство, поддержка учащихся девушек, борьба с алкоголизмом и проституцией, опека и защита детей [21]. Одним из главных направлений женской благотворительности было создание системы высшего образования для женщин. К концу XIX века Россия опередила другие европейские страны по качеству и разнообразию профессий, доступных в женском высшем образовании.

Отметим и широкую занятость женщин в производстве. Не только ткачество и прядение, но даже такое ремесло, как литейное, обязаны своим развитием женщинам. Женщины составляли 25% занятых в промышленном производстве в 1890-х годах и около 40% - в 1910-х [25, с. 871].

Традиции подчинения семьи роду, общине сохранялись в России вплоть до начала XX века, когда царским манифестом 1905 года впервые мужчинам в отличие от женщин были даны гражданские права. То есть только в 1905 году мужчины получили официально закрепленные гражданские привилегии перед женщинами, просуществовавшие до 1917 года. Мужские привилегии, официально закрепленные законодательством в американском обществе, существовали гораздо дольше: со времени создания Конституции вплоть до середины нашего столетия.

Поэтому если на Западе борьба женщин за свои права главным образом концентрировалась на избирательном праве, то в России - на образовательном.

В Советском Союзе эмансипация понималась как активное участие женщин наравне с мужчинами в индустриализации, коллективизации и других видах строительства. Отношение к женщине-домохозяйке как к бесправному слуге, которого надо освободить от господского принуждения и вывести на светлый путь свободного и равноправного труда на благо всего общества, было сформировано в советском обществе главным образом благодаря трудам Энгельса, считавшего, что современная ему буржуазная семья, основывающаяся на женском рабстве, должна отмереть [26]. Модель брака после революции была близка к модели "свободной любви" и предусматривала передачу обществу семейных функций по воспитанию и содержанию детей [18].

В 30-е годы возникает новая цель - увеличение рождаемости: начинается кампания поощрения родительских обязанностей, одновременно превозносятся радости материнства для женщин. Так, постановление ЦИК и СНК от 27 июня 1936 года запрещает аборты и провозглашает, что "ни в одной стране мира женщина не пользуется таким полным равноправием", "ни в одной стране мира женщина как мать и гражданка, на которой лежит большая и ответственная обязанность рождения и воспитания граждан, не пользуется таким уважением и защитой закона, как в СССР".

В результате был сформирован образ женщины как лица, несущего полную ответственность за деторождение, образ матери как господствующей фигуры в семье. Война же фактически сделала основной роль женщины и в экономике.

В 1955 году разрешение на аборт частично ослабило представление о женщине как о существе, имеющем исключительное назначение быть матерью. В семейном законодательстве 1968 года прослеживается компромиссная позиция. Подтверждается центральная роль женщины в семье со ссылкой на то, что "советской женщине обеспечиваются необходимые социально-бытовые условия для сочетания счастливого материнства со все более активным и творческим участием в производственной и общественно-политической жизни", говорится о "свободных от материальных расчетов чувствах взаимной любви, дружбы и уважения всех членов семьи". Официальное предпочтение модели семьи, сосредоточенной вокруг матери, было подтверждено даже в Конституции СССР 1977 года, определяющей роль женщины в обществе в качестве "труженицы, матери, воспитательницы своих детей и домохозяйки".

Женщины были представлены также в органах государственной и законодательной власти, партийной номенклатуры, но они практически не участвовали в процессе формирования и принятия решений, им отводились исключительно исполнительские функции, за их счет производилась ротация (т.е. они практически не переизбирались повторно, значит, не могли ничего сделать реально, а мужчины занимали ответственные должности гораздо дольше). Официально заявляемая политика равенства полов входила в "единый пакет" равенств, декларируемых с высокими официальными трибун (национального равенства, равенства вероисповедания и т.д.). Несоответствие реального положения женщин с декларируемым воспринималось как скрытое угнетение со стороны тоталитарного государства, нарушение прав человека. Деятельность феминисток в советское время являлась правозащитной, а потому считалась антигосударственной (антисоветской) со всеми вытекающими отсюда последствиями.

В Конституции Российской Федерации 1993 года предпочтение впервые отдается эгалитарной модели отношений женщины и мужчины в семье и в обществе.

Однако в настоящее время идеи, связанные с патриархальной ролью женщины, имеют успех в нашей стране. Политолог С. Айвазова причиной этого считает усталость от эмансипации по-советски, моду на патриархат, восстанавливающийся с помощью православия на обломках социалистического прошлого, процесс выделения частной жизни как ниши

личной свободы и автономии индивида в независимую от общества и государства сферу [27].

Американский советолог Д. Шляпентох отмечает, что в перестроечный период за укрепление семьи активно выступали и западники, и почвенники. Первые считали, что укрепление семьи будет способствовать демократии, люди будут зависеть от семьи, а не от чиновников-бюрократов. Вторые, ориентированные на православные ценности, призывали женщин вернуться к своему природному предназначению быть матерью и женой [28].

Демократизация общества невозможна без автономии индивида, но именно в результате этой автономии сфера частной жизни обозначается и закрепляется через утверждение авторитета главы семейства (мужчины) и соответственно привязывания к ней женщины. Это легко сделать, потому что экономические и социальные механизмы привязки женщины отработаны в советское время, а имидж мужа как кормильца, добытчика имеет долгую историю в России (православие и "Домострой").

"Хороший" тон в общественном мнении предполагает рассуждения о "естественном" природном назначении женщины, о ее главной функции - матери, продолжательнице рода, воспитательнице детей. Многие наши известные ученые, деятели культуры, журналисты утверждают, что любое нарушение иерархии полов ведет к гибели культуры¹. В то время как протестантские конфессии, получившие широкое распространение на Западе, решают вопрос о возможности посвящения женщины в церковный сан, в русской культурной традиции, исходящей из православия, считается, что мужчина принадлежит Богу (общине, работе, партии и т.д.), а женщина - своему мужу (или является достойным помощником на трудовом фронте). Женщине не пристало говорить и отстаивать свои права.

Уклад современной жизни также вносит существенные коррективы в формирование норм и стереотипов бытового поведения, в том числе тендерного. Если в США принято как можно более раннее отделение от родителей (как правило, только закончив среднюю школу, молодые люди покидают родительский дом, получая дальнейшее образование, а затем устраиваясь на работу в других частях страны), то уровень жизни в России диктует свои условия: большинство россиян живут вместе несколькими поколениями (или близко друг от друга), и командует в семье теща или свекровь (так живуч в России культ старшей женщины), а молодые муж и жена долгие годы приходится одинаково мириться с ролью детей, и никому не приходит в голову обсуждать проблемы женских прав.

Еще одной существенной особенностью России в сравнении с Западом с точки зрения анализа тендерных стереотипов являются наши огромные потери в ходе Второй мировой войны и сталинских репрессий. По последним данным, Советский Союз в общей сложности потерял 50 млн человек (это четверть всего населения страны). Подавляющее большинство этих потерь - мужчины. В результате была утеряна традиция исполнения роли мужчины в семье. Так называемое поколение "детей войны" выросло без отцов. И мальчики, и девочки воспитывались только мамами, по возможности заменявшими им и пап. Повзрослев, они создавали свои собственные семьи, но как бы им ни хотелось создать полную счастливую семью, очень часто это оканчивалось неудачей, так как ни муж, ни жена не имели перед собой модели мужского поведения в семье, не понимали, каковы же основные ролевые функции мужа и отца. В результате чаще всего мужу отводилась роль ребенка (любимого или нелюбимого). Вот цитата из "Комсомольской правды": «Мы, женщины, от природы крепче, выносливее, жизнеспособнее. А его (мужа) надо лепить, надо возвышать над самим собой похвалой, лаской, уважением и постоянным обращением за советом и помощью, даже если он далеко не идеал, но вы уже решили, что "все равно его не брошу"» [29]. (Ассоциация

с игрушкой у А. Барто. - *О.М.*)

Так, согласно исследованиям политолога Е. Шестопал, социализация тех, кому сейчас от 40 до 50 лет, носила авторитарно-патриархальный характер с преимущественным диктатом матери и бабушки. Для тех, кому сейчас от 30 до 40, мать обладала реальной "исполнительной" властью, которую можно охарактеризовать выражением одного из

---

¹ В качестве примера приведем красноречивое высказывание доктора исторических наук С. Кулешова: "Женщина-руководитель всегда излишне субъективна, она часто пребывает во власти настроения. Как только женщина получает власть - она скатывается в крайность, склоняется к радикализму. И женские вопросы мужчины решают лучше женщин: они более социально ориентированы, более склонны анализировать, обсуждать друг с другом философские проблемы, вопросы о смысле жизни, политике. А у женщин - даже в элитном образованном кругу - все вращается вокруг трех тем: дети, вещи и мужики" [24, с. 16].

респондентов: "Свобода - это когда мамы нет дома". Респонденты в возрасте от 20 до 30 лет отмечали, что в трудную минуту они придут посоветоваться не с отцом, а с матерью [30].

Культура белых американцев очень близка к западноевропейской. Тендерное поведение черных американцев существенно отличается. Из-за низкого материального положения черные женщины всегда должны были работать и обеспечивать свою семью. Даже занятость на низкооплачиваемой или черной работе способствует их высокому статусу в семье и общине. В то время их мужья, как правило, не имеют работы. В подавляющем большинстве черных семей женщины являются главой семьи, осуществляют властные функции и принимают решения. Причем более половины детей воспитываются только матерями. Черные более терпимы к незаконнорожденным детям и меньше беспокоятся относительно их статуса. Среди черных женщин гораздо в меньшей степени распространены аборт и незаконнорожденные дети легко включаются в "большую" семью. Виллиамс [12] говорит о мифе, существующем в белом американском обществе относительно черных женщин, об их смелости, мужественности, силе, способности самостоятельно решать семейные проблемы. Это различие во многом напоминает разницу стереотипов в среде "интеллигентской" и "крестьянской".

Основная ценность американского общества - свобода выбора. "It's my (or your) own choice" - это мой (или твой) выбор, - говорят американцы. Поэтому американские женщины главным образом борются за экономически и морально обеспеченную возможность сделать этот выбор самой: как и когда они это хотят - сидеть дома и вести домашнее хозяйство или работать, выйти замуж или воспитывать ребенка самостоятельно (но при этом иметь такую зарплату, чтобы нанять домработницу или няню). Даже лозунг, под которым ведется агитация против запрещения абортов, называется "ProCHOICE". Он формулирует пафос этого движения за право самостоятельно принимать решение относительно аборта в соответствии со своими личными интересами, а не под давлением морали, экономики и общественных ценностей.

Россиянки не любят осуществлять выбор. Необходимость сделать выбор фрустрирует их. Гораздо легче, когда кто-либо другой (государство, муж) принимает за тебя решение и дает советы. Поэтому равноправие женщин в России связано с отказом от традиционной роли женщины в обществе и стремлением освоить мужскую роль, достичь равенства в этом освоении. Цель американской женщины - делать выбор из широкого спектра возможностей, цель нашей соотечественницы - реализовать весь этот спектр (отсюда и желание существовать и на работе, и дома).

Позиции западных социологов, изучающих проблемы женского движения в современной России, различны. Так, Л. Хоффман [31, с. 29] характеризует переживаемый ныне в бывших странах социализма период как "постсоциалистический патриархальный ренессанс" (резкое уменьшение числа женщин в парламентах после отмены квоты, феминизация появившейся безработицы, наступление на репродуктивные права женщин, усиленная пропаганда семейных ценностей и т.п.).

В. Сперлинг [32] более оптимистична, считая, что политические изменения в нашей стране, с одной стороны, привели к экономическому кризису, создавшему огромное количество проблем для всего населения в целом и особенно для женщин, лидирующих среди безработных, страдающих от инфляции, сокращения бюджетных дотаций и материальной помощи материнству и детству. Но, с другой стороны, именно в результате этих политических изменений женщины получили реальную возможность объединяться в неправительственные общественные организации, политические партии и самостоятельно решать свои проблемы.

Среди исследований тендерного поведения и стереотипов выделяются следующие направления: личностные характеристики (черты, атрибутируемые мужественности и женственности), женские и мужские роли (кто является главой семьи, воспитывает детей и т.д.), женские и мужские профессии, физические характеристики [5, с. 6].

Большое внимание этим вопросам еще перед Второй мировой войной уделяла известный американский антрополог М. Мид, изучая примитивные культуры папуасов. Так, она приходит к выводу, что различия между представителями отдельных культур (в том числе в отношениях между полами) в значительной степени зависят от того, в чем и как эти культуры отличаются друг от друга [33].

Книгу американского психолога Э. Эриксона "Детство и общество" [34], опубликованную в 1963 году, можно вполне считать одним из первых кросскультурных психологических исследований женских стереотипов. В работе изучаются и подробно описываются три типа женщин, имеющих детей-подростков: американская, русская и немецкая мамы.

Мать американского тинэйджера - "мамочка", имеющая в своем сознании образ идеального мужчины и уверенная, что у ее сына хватит характера до него дорасти. Однако она старается избежать доминирования, излишней опеки и какой-то напряженности в отношениях. Главное, с точки зрения Эриксона, что видел немецкий подросток в своей матери, - это полное подчинение и подобоострастие перед мужем. Говоря о воспитании в России, Эриксон отмечал важность такого женского образа, как бабушка. Очень часто именно бабушка осуществляла функции кормилицы и воспитательницы, и женская роль матери (основная, воспринимаемая ребенком) распределяется на двух близких ему женщин. Однако бабушка в семье чаще всего не зависит от отца ребенка и даже занимает доминантную позицию. В качестве иллюстрации своих рассуждений Эриксон использует образ бабушки, описанный М. Горьким в автобиографической трилогии.

Исследование тендерных ролей и стереотипов с помощью методов психосемантики показало общность тендерных представлений в рамках одной культуры. Так, сопоставление представлений об идеале, одобряемом или не одобряемом поведении женщины свидетельствует о сходстве этих позиций у мужчин и женщин в рамках одной культуры в значительно большей степени, чем между представителями одного пола из разных культур. Эти сравнения проводились как на материале русских и азербайджанцев [35], так и россиян и американцев [36].

12 июня 1998 года произошло знаменательное событие поистине мирового масштаба: Президент России Б. Ельцин провел пресс-конференцию в режиме реального времени для пользователей Интернет. Об этом было объявлено заранее, и каждый "интернетчик" мог послать российскому Президенту вопрос по электронной почте. Среди нескольких тысяч вопросов были отобраны всего три, на которые Ельцин и дал ответы во время почти часового пребывания во всемирной компьютерной сети. Одним из них был вопрос жителя североамериканского континента: "Может ли в России женщина стать президентом?". Российский Президент ответил отрицательно.

Исходя из тематики нашего исследования это событие заслуживает внимания. К сожалению, мы не знаем всего списка присланных вопросов, но можно предположить, что отбирались наиболее часто встречаемые, чтобы в максимальной степени отразить суть происходящего в России. Так или иначе, но пресловутый "женский вопрос" оказался одним из главных символов, с помощью которых российский Президент решил представить всему заинтересованному миру свою страну. И очень хочется (как автору статьи на тему тендерных исследований) высказать предположение, что данный выбор не случаен, что эта проблематика действительно очень важна во всех отношениях, что она, как лакмусовая бумажка, определяет состояние общества.

Взаимоотношение женщины и общества, степень популярности в нем идей феминизма или традиционализма - коррелирует ли это с прогрессом или регрессом общества? Можно ли говорить о тенденциях решения этого вопроса по мере развития мирового сообщества? Или векторы прогресса и эмансипации женщины в обществе независимы, "перпендикулярны" друг другу? А. Чеботаревская, писательница, переводчик, деятельница женского движения, жена и поэтическая Муза Ф. Сологуба, выступая в 1908 году на 1-м женском съезде, сказала: "Судьба женщины - материальная и нравственная - нераздельно связана с историей общества, в среде которого она живет. Мы твердо верим в конечное разрешение женского вопроса только в грядущем социалистическом обществе" [37].

Другую точку зрения представляет американский социолог У. Гуд, считающий, что положение женщины в семье и обществе не зависит от технологических и экономических изменений, и проблема заключается в установлении их взаимосвязей. Например, семейные изменения могут предшествовать индустриализации или способствовать ей [38].

Иная серия вопросов, связанных с данной проблематикой, касается перспектив развития тендерных представлений: какими станут взаимоотношения полов? как будут строиться семейные отношения и сохранятся ли они вообще? каковы будут черты характера, атрибутируемые женщине? каковым станет отношение к детям и их воспитанию? как и в какой степени женщина будет включена в общественную жизнь?

С падением железного занавеса изменились и представления друг о друге людей, находившихся по разные стороны от него. Советские люди сетовали на то, что в западных странах принято избегать официальных браков, часто менять своих партнеров, находясь же в браке, обманывать своих супругов и безответственно относиться к семье (о чем, по их мнению, свидетельствовал высокий процент разводов). Но вдруг оказалось, что Запад вовсе не так аморален, как мы считали. И публичный политик там обязательно должен быть любящим мужем и заботливым отцом (чего нельзя сказать про российских). На Западе

семья, экономически зависимая от одного из супругов, оказывается более крепкой, чем в случае, когда оба супруга должны работать исходя именно из экономических соображений. Для американского публичного политика, рассчитывающего на поддержку не маленькой группы людей, а действительно желающего быть избранным во властные структуры, невозможно открыто заявить о себе "Я - сексист и считаю, что место женщины на кухне". В нашей стране так открыто говорят политические деятели, даже имеющие имидж либералов-западников².

Классическая русская литература, от Достоевского до Пастернака, доступная зарубежным читателям, представляла русскую женщину как пылкую, страстную и сентиментальную, но озабоченную прежде всего поисками "хорошего человека". Она готова была следовать за ним куда угодно, в ссылку, в тюрьму. Сейчас представители Запада имеют возможность увидеть вполне эмансипированных женщин, получающих образование, делающих карьеру, занимающихся политикой и т.д. Так, французский дипломат Р. Гари в полемике об истинном равноправии женщин сказал: "До тех пор, пока мы не увидим на трибуне Национального собрания хотя бы одну беременную женщину, всякий раз, говоря о Франции, вы будете лгать!" [40]. (В России на трибуне Думы мы уже видели беременных женщин.)

Конечно, сопоставление женского тендерного поведения в России и на Западе не исчерпывает всего многообразия возможностей, реализованных в мире. Но это сопоставление представляется нам интересным по следующим причинам.

Во-первых, принято считать, что на Западе эта проблематика гораздо более значима, актуальна и имеет больший общественно-политический вес по сравнению с Россией. Это вовсе не означает, что в России люди (и мужчины, и женщины) не думают о том, как женщине следует существовать в новом для нее мире общественного труда, как отстаивать свое достоинство, как совместить работу и домашний труд, воспитание детей и продвижение по службе, как строить партнерские отношения с мужем, влиять на процесс принятия решений в обществе; что для женщины лучше - сидеть дома и воспитывать детей, или управлять промышленным предприятием, или заниматься наукой, выйти замуж, или найти себе, как сейчас говорят, богатого "спонсора" и находиться у него на содержании, или вообще прожить всю жизнь одной. Но на Западе (особенно в США) эти вопросы выносятся на передний план, приобретают общественно-политическое звучание, политические партии включают в свои предвыборные программы, например, вопросы об отношении к абортам. А в России каждый пытается решить соответствующие проблемы для себя сам, стараясь "не выметать сора из избы". Традиционно более достойными для осмысления в России считались проблемы души, бытия, нравственности, а на вопрос о будущем муже отвечали "лишь бы человек был хороший". Не случайно советские женщины в мужчинах ценили в первую очередь не власть и богатство, позволяющие именно им, женщинам, решать многие материально-бытовые проблемы, предоставляющие большую свободу выбора и т.д., а духовность, знания и добродетельность.

Во-вторых, в Советском Союзе в 1917 году женщины теоретически получили все, за что американкам, например, пришлось еще полвека бороться. Так были ли мы реально впереди планеты всей в этом вопросе? И где мы находимся сейчас?...

Говоря о тендерных установках и стереотипах, многие исследователи приводят шкалу для их измерения: "патриархальность - традиционализм (консерватизм) - неотрадиционализм (либерализм) - модернизм - эгалитаризм - матриархат" [12, с. 372; 41, с. 158]. В большинстве случаев критерием оценки служат образование, экономическая свобода, степень и форма участия зарабатываемых женщиной денег в семейном бюджете, отношение к занятости женщины на работе вне дома и выполнению мужем домашней работы, обязательность-необязательность замужества и материнства, свобода сексуальных отношений. На этой шкале идеология феминизма связана с полюсом, противоположным патриархальности и традиционализму. Идеологи феминизма выступают за расширение области приложения женского опыта, более широкое включение женщин в социум, против патриархального характера современной жизни, социальных институтов. Большинство людей в развитых странах вполне одобряют такие установки, однако само слово "феминизм" в общественном сознании имеет отрицательную коннотацию. Ряд исследователей отмечает факт несоответствия. Даже многие американцы о феминистках имеют достаточно смутные представления, ассоциируя их с грубыми, некрасивыми, озлобленными женщинами, мужененавистницами и лесбиянками. Результаты исследований в Европе и России свидетель-

² См., например, интервью с К. Боровым [39].

ствуют об аналогичной картине³. Вот слова лидера политической партии "Демократический союз" В. Новодворской: "Феминизм - одна из разновидностей слабоумия. Ненавижу феминисток!" [42]. Нельзя забывать, что слово "феминизм" в массовом сознании рифмуется

С "коммунизмом", "марксизмом-ленинизмом" и другими "измами", к которым в России выработан стойкий иммунитет, как ко всякой идеологии, а в Америке еще не изжит страх, сформировавшийся в период "холодной войны". Возможно, для широкой аудитории стоит предложить что-то типа "женской солидарности", "женской взаимопомощи" и т.п.

Так, в своих политических документах партия "Женщины России" называет себя "женским движением", на первое место ставя защиту прав человека и социальную справедливость, интересы детей. Наибольших успехов фракция "Женщины России" в прошлой Думе достигла именно в лоббировании законов, связанных с охраной и помощью материнству и детству. (Удачно сработал стереотип "Женщина-мать".) На выборах в Думу 1995

года "Женщины России" не сумели преодолеть 5%-ного барьера. Российские граждане различных политических ориентаций были в большей степени единодушны в вопросе о том, что "женская партия" в парламенте не нужна. Об этом активно заявляли такие известные женщины-политики, как И. Хакамада, Г. Старовойтова. Однако женщины - кандидаты в депутаты по одномандатным округам - были успешнее многих мужчин, когда баллотировались в Думу как личности, не апеллируя к идеям эгалитарности, необходимости квотирования мест в парламенте для женщин.

В свое время одним из идеологов решения женского вопроса выступала член первого правительства большевиков А. Коллонтай, считавшая, что будущее советской женщины - в производительном труде, а на смену замкнутой буржуазной семье придут общежития и общественные столовые [43].

Однако история показывает, что любая попытка заставить общество *насильно* изменить свои привычки, установки, стереотипы, пусть даже на более прогрессивные, не приводит ни к чему, кроме насилия, и не имеет будущего. Лозунги социалистические, феминистические и прочие многим кажутся очень привлекательными, но лишь до того момента, пока не находятся желающие претворить их в жизнь. К наиболее распространенным областям деятельности женских организаций относятся борьба с насилием над женщинами (главным образом в семье), переобучение и овладение новыми профессиями, помощь солдатским матерям в защите прав их детей, призванных в армию. Не отстают и средства массовой информации: на смену двум традиционным женским журналам "Работница" и "Крестьянка" (эти названия как нельзя лучше отражали стереотипы женского поведения в СССР) пришло огромное множество современных журналов и газет, названия которых также очень символичны: "Я сама", "Женские дела", "Дочки-матери", "Любовь", "Лиза" и т.д.

Нельзя ломать стереотипы, тем более такие устойчивые, как тендерные. Их нужно внимательно изучать, исследовать тенденции и закономерности. Это поможет создавать разумные законы, строить социальную инфраструктуру, органически вписывающуюся в общество, жить без насилия над человеческой природой. И не следует забывать, что тендерная тематика не исчерпывается только женскими проблемами, что существуют еще и мужские, они тесно связаны друг с другом и нельзя изучать одно без другого. К сожалению,

в России проблематика мужского поведения и стереотипов проработана слабо. За рубежом такие исследования ведутся: в Американской психологической ассоциации существует секция изучения мужчин. Но это уже тема отдельной статьи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Holfstede G.* Cultures and Organizations. Cambridge, 1991.
2. *De Beavoir S.* The Second Sex. 1953.
3. Книга Притчей Соломоновых // Ветхий Завет. Глава 31.
4. *Lott B.* Women's Lives. Themes and Variations in Gender Learning (2 ed.). California, 1994.
5. *Basow S.* Gender Stereotypes and Roles (3 ed.). California, 1992.
6. Лиза. 1996. №41.
7. *Lewis O.* Manly-Hearted Women among the North Piegan // American Anthropologist. 1941. №43.

³ Вызывает удивление, например, тот факт, что среди феминисток начала века вопросу о материнстве было уделено особо почетное место, и некоторые из них считали материнство первой и чуть ли не единственной задачей женщины (см. уже упоминавшийся доклад Чеботаревской [37]).

8. *Иваницкий В.* Русская женщина и эпоха "Домостроя" // *Общественные науки и современность.* 1995. № 3.
9. *Hollingsworth L.* Social Devices for Impelling Women to Bear and Rear Children // *American Journal of Sociology.* 1916. № 22.
10. *Vogel I.* When I Grow up. New York, 1968.
11. *Franzwa H.H.* Female Roles in Women's Magazine Fiction // *Woman: Dependent or Independent Variable / Uger R.K., Denmark F.L. (eds.).* New York, 1975.
12. *Williams J.* Psychology of Women. Behaviour in a Biosocial Context (3 ed.). New York, 1987.
13. *Lopata H.Z.* Occupation: Houswife. New York, 1971.
14. *Антонов А.И., Медков В.М.* Социология семьи. М., 1996.
15. Московский комсомолец. 1998. 23 апреля.
16. Вечерняя Москва. 1994. 23 ноября.
17. Слабый пол? // Москвичка. 1991. Февраль. № 1.
18. *Курильски-Ожвэн Ш.* Русская культурная модель и эволюция нормативного регулирования семьи // *Общественные науки и современность.* 1995. № 5.
19. Домострой. М., 1990.
20. *Иваницкий В.* Русская женщина и эпоха "Домостроя" // *Общественные науки и современность.* 1995. № 3.
21. *Либоракина М.* Немного о традициях, самопожертвовании и гражданственности // *Преображение. Русский феминистский журнал.* 1995. № 3.
22. *Бердяев Н.* Русская идея. Париж, 1946.
23. *Аквинский Ф.* Сумма теологии // *Антология мировой философии.* М., 1969.
24. Родина. 1996. № 3.
25. *Рыбаков Б.* Ремесло Древней Руси. М., 1948.
26. *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1945.
27. *Айвазова С.* Женское движение в России: традиции и современность // *Общественные науки и современность.* 1995. № 2.
28. *Shlapentokh D.* Lovemaking in the Time of Perestroika: Sex in the Context of Political Culture // *Studies in Comparative Communism.* 1992. June. Vol. XXV. № 2.
29. Побережем живых и отдалим их час // *Комсомольская правда.* 1995. 11 октября.
30. *Шестопал Е.* Перспективы демократии в сознании россиян // *Общественные науки и современность.* 1996. Ms 2.
31. Вы и Мы. 1994. № 10.
32. *Сперлинг В.* О женском движении в России // *Преображение. Русский феминистский журнал.* 1995. № 3.
33. *Mead M.* Sex and Temperament in Three Primitive Societies. New York, 1935.
34. *Erikson E.* Childhood and Society. New York, 1963.
35. *Петренко В.Ф.* Психосемантический подход к этнопсихологическим исследованиям // *Советская этнография.* 1987. № 3.
36. *Митина О., Петренко В.* Психосемантический анализ стереотипов женского поведения в России и США (в печати).
37. *Чеботаревская А.* Женщина настоящего и женщина будущего. Доклад, прочитанный на 1-м женском съезде в СПб. 1908. 14.12. // *Родина.* 1996. № 3.
38. *Good W.* World Revolution and Family Patterns. 1963.
39. Московский комсомолец. 1998. 26 июля.
40. *Гари Р.* Ночь будет спокойной // *Иностранная литература.* 1994. № 12.
41. *Gibbons J.L., Hamby B.A., Dennis W.D.* Researching Gender-Role Ideologies Internationally and Cross-Culturally // *Psychology of Women Quarterly.* Vol. 21. 1997.
42. Московский комсомолец. 1998. 5 июня.
43. *Коллонтай А.М.* Труд женщины в эволюции хозяйства // *Лекции, прочитанные в Университете им. Я.М. Свердлова.* М., 1923.